

НЕОБЫЧНОЕ РОЖДЕНИЕ ЭПИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОМ ЭПОСЕ

Ерболат Баят

Институт литературы и искусства им. М.О.Ауэзова, Алматы, e-mail: erbolat.bayat@mail.ru

В данной статье анализируются мотивы «необычного рождения» в сюжетных линиях тюрко-монгольских эпосов. Данный архаический мотив является одним из сюжетообразующих компонентов в героических эпосах тюрко-монгольских народов.

Ключевые слова: миф, тотем, сюжет, мотив, эпос, типология, главный герой

UNUSUAL BIRTH EPIC HEROES IN THE TURKO-MONGOL EPOS

Erbolat Bayat

Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov, Almaty, e-mail: erbolat.bayat@mail.ru

This article analyzes the motives «childless parents» in the storylines the Turkic-Mongolian epics. This archaic motif is one of the components of plot in the heroic of the Turkic-Mongolian peoples.

Keywords: myth, totem, plot, motive, epic, typology, main character

В тюрко-монгольском эпосе престарелые родители в преклонном возрасте жаждут рождения сына – будущего батыра. Молят об этом Бога, обращаются к святым духам предков, просят помощи магических сил. В эпических сказаниях тюрко-язычных народов мотивы «бездетных родителей» или «рождение батыра в необычных обстоятельствах» показывают не только их мифологические и социальные стороны, но и наряду с этим создают основу развитию дальнейших событий в сюжете. Это является предпосылкой введения в рамках эпического времени сюжетного времени. Горечь и мольбы бездетных родителей, как у тюрко-монгольских народов, встречается и в эпосе алтайцев. В сказании алтайского народа «Маадай-Кара» говорится так:

«... Стал горько сетовать старик:
«Конь постарел темно-гнедой,
Годится только на убой.
Азар мой слеп, беззуб Казар,
И я, седоголовый, стар.
Нет у собак моих щенка,
У нас с женою нет сына...» [1, 18]

Пока Маадай-Кара шесть раз объезжал кругом гигантский Алтай, к его возвращению жена Алтын-Тарга родила сына. Здесь есть мотив рождения сына в отсутствии отца. По рассказу его матери Алтын-Тарги у родившегося сына были свои особенности: между лопатками есть темное родимое пятно, круглое как овечьи глаза, грудь сияет как золото, а спина как серебро. У родившегося держа в правой руке загадочный черный камень ребенка не было пуповины. Через два дня от его голоса разорвались

пеленки, а через шесть дней сломалась колыбель. Чтобы прокормить родившегося ребенка ежедневно уходило сто ведер молока, а спал он на медвежьей шкуре [1, 27].

Образцы упоминаемых в этом сказании двух собак Азар и Казар встречаются и в монгольских сказаниях. В монгольском сказании «Хаан Чингэл» говорится о двух беркутах батыра Чингэла и двух хватких собаках Хасар и Басар. Присутствие в монгольских и алтайских сказаниях собак можно считать остаточным наследием антропологических мифов. Во-вторых, присутствие собак свидетельствует об охотничьем и пастушьем периоде человечества. У таких народов, как алтайцы, буряты, саха, эвенки, мари, распространены легенды о том, человек остался голым, так как шубы заимели собаки. «Собака» никогда не была тотемом у тюрков и монгол. Она рассматривалась как одна из семи ценностей. На монгольском языке собаку называют «нохой». А на казахском языке это ветхое слово употребляется для характеристики человека. Человека с собачьим нравом называют «нокай» (человек-собака).

Горечь и печаль бездетности характерны и для сказаний тувинского народа. В тувинском батырском сказании «Кан-кыс» хан Арбаак-Моге хотя был самым богатым в народе и не имел ни в чем недостатка, не был удовлетворен жизнью. Оставшись в одиночестве, он окупился в свои мысли и стал разговаривать с самим собой:

«Пока у меня есть конь Аян-Кула,
Пока есть я сам Арбак-Моге,
На севере есть леса
Арзайты и Корзайты,

Пока высотами гор Алтая
Владею я,
Пока от жены Ангыр-Ала
Не поцеловал сына наследника,
Гнев обжигал меня,
Кто же хозяином богатства
Станет завтра для меня?!»[2, 9].

Жена Ангыр-Ала была в положении и близка к родам, когда Арык-Моге, собрав большое войско, отправился сражаться с Шой-Тогусом. А когда он вернулся, жена родила дочку. С горечью произнесла «Я просил у Танира не дочь, а сына», он не стал обрезать пуповину дочери и оставил ее милосердной женщине Карбын. Тема того, что рождение дочери считалось позором, встречается и в казахском сказании «Козы Корпеш и Баян сулу». То, что в эпических произведениях рождение дочери для ожидавших сына еще с древних времен являлось скорбью и унижением, то во времена вражды и войн это чувство усиливалось. Отсутствие отца во время рождения ребенка является обычной ситуацией в сказаниях алтайского и тувинского народов. «Участие отца для рождения младенца как будто ненужно: отец уезжает в далекую, иногда долголетнюю поездку, в поход против врага, чаще всего по собственному желанию или по совету жены на продолжительную охоту», — пишет В.М. Жирмунский, увязывая этот мотив с тотемизмом [3, 169-170].

И в якутском героическом эпосе «Сайыпкыран Ер Согтох» говорится о страданиях престарелых людей, оставшихся без детей. В начале поэмы с большим вдохновением описываются сотворение мира, его прекрасная природа, сияющий восход солнца, появление полной луны, различные живые существа и звери. Обладавшие несчетными богатствами и упивавшиеся всеми красотами природы Сир Сабыя Баай Тойон и его жена Сабыя Баай Хотун печалились лишь одним — отсутствием ребенка и мечтали об его рождении [4, 77-90]. Когда подошел срок, жена родила сына. Но к большому огорчению новорожденный ребенок потерялся без следа. Лишившиеся долгожданного ребенка родители со слезами обратились к Владыке небес Таниру. Оказывается, их сына выбрал и забрал к себе сам Высший владыка, чтобы подготовить из него будущего батыра, призванного защищать «айы аймак» (эпическое пространство). Хозяин духов Абаасы поставил перед этим мальчиком условие не прикасаться к «Нижнему миру» и не вмешиваться в его дела. Однако сюжет сказания далее продолжается тем, что Сайыпкыран Ер Согтох отправляется в страну аабасов, женщина шаман Айы Нуралжан дает ему советы и он побеждает

аабасского батыра Тас Жаантаара, просит выкуп за его душу.

Если в монгольском сказании «Баян Цагаан овгон» старик Баян и его жена Буйман были бездетными и печалились на старости лет, что все их имущество и скот останутся без наследника, то в сказании «Аргил цагаан овгон» Аргил бай, глядя на свои многочисленные табуны лошадей, с горечью думает «Нет у меня сына наследовать все это». А в сказании «Талын хар Бодон» Довон хар во время тоя (пира) горюет, что остался без наследников. Подобные мотивы печали и страдания во время тоя об отсутствии наследников характерны и для казахских поэтических сказаний.

Появление на свет бурятского героя Гэсэра полно удивительных явлений. Если у монгол Гэсэр был создан по воле буддистского бога Шэгэмуни, то в бурятском варианте Гэсэр отправляется на землю волей Танира по просьбе проживающих на земле людей. В бурятских и монгольских легендах и сказаниях Гэсэр родился еще до появления жизни на земле. Он является героем-умельцем, который сшивает обрывки еще не сформировавшегося неба. Гэсэр — сын Хурмаст тэнгэра [5, 16]. Вообще в монгольских сказаниях есть устоявшееся понятие формулы «тэнгир (небо) — отец, жер (земля) — мать». Появление на свет младенца наполнено самыми удивительными событиями и чудесными видениями. Он не просто появляется на свет, при его рождении сотрясается мир и с разорвавшихся небес обрушивается черный ливень, сверкают молнии, содрогается земля, дуют ураганные ветры. Рождению героя чинят всякие препятствия злые духи и мир мертвых. Сперва противостоят этому само небо и земля.

В схватке с небом рожденный,
В борьбе с землей рожденный,
Стал образцом чудесного героя

Сотрясая мир рожденный Бум Эрдэне [6, 5]

Тенгри и Умай состояли в браке. Это древнее мифическое понятие. В сказании «Гурван настай гуан Улан Баатор» (трехлетний батыр Углан) говорится: Углан батыр зачатый Небесным отцом родился от матери земли. Такое чудесное рождение является обычно уделом богов и ангелов. Это известно всем. Поэтому ребенок родился от космического брака. Это плод и видение самой древней мифологии.

В знаменитом эпосе киргизского народа «Манас» важную роль играет сюжет тяжелого состояния бездетных родителей. Преданная жена Манаса Каникей тоже не может родить ребенка и несет в себе горе и печали бездетности. В сказании Косай батыр дает благословение жене брата:

...Склонив колени к земле,
Горя об отсутствии детей,
Бедняжка Каникей
Сгорает в огне печали.
Прося ребенка у Аллаха,
Дает благословение снохе.
Красавице Каникей
Все желали ребенка:
«...Услышав о рождении дитя
Пусть удивляется народ.
Пусть родится сын,
И назовут его Семетей,
А Семетею навсегда

Пусть она будет супругой» [7, 76].

В сказании «Алпамыс батыр» жаждущая иметь ребенка Байбори прикормив Ултанкула, прижала его к груди как свое дитя. В эпосе «Манас» хан Кокетай усыновляет Бок Мурына. Поступки и действия героев двух сказаний, безродность усыновленных детей, разнообразность событий сюжета становятся причиной дальнейшего разворачивания повествования.

Мотивы такого типа встречаются в древних казахских сказаниях. В упомянутом Мунлык-Зарлыке говорится так: «Проходили дни за днями, годы за годами, в один из дней Каншайым забеременела. И когда пришло время рожать ребенка, хан вызвал своего визиря Барана и сказал ему:

– Я за всю свою жизнь не слышал в своем доме детского крика. Боюсь, что когда родится ребенок, мое сердце разорвется.

Визирь Барын ответил:

– Поезжайте на охоту в горы Шогирли. Когда дитя родится, кто-нибудь приедет просить суйинши за радостную весть. После этого ваше сердце успокоится.

Прислушавшийся к совету визиря хан, взяв с собой сорок джигитов, отправился на охоту в горы Шогирли» [8, 159].

В исполняемом Мурыном Сенгирбаевым сказании «Карадон батыр и его потомки» батыр Жубаныш убивает Ындысты и возвращается в здравии домой. Победивший врага батыр, встретившись с матерью, рассказывает о своих действиях. Тогда мать говорит ему:

Вернулся в здравии ты,
Ненаглядный мой?

На руках моих дорогой
Ваш ребенок Суйиниш
Приблизившись, батыр
Слезает со своего коня.
Ну, давай его мне, мать,

И взяв в руки, целует дитя [9, 215-216].

Как понятно из этого отрывка сказания, когда батыр Жубаныш уехал в поход на врага, оставшаяся дома жена родила ему сына. И вот, вернувшийся с победой над врагами батыр видит своего сына Суйиниша.

Если во многих сказаниях рождение сына в отсутствии отца идет в начале сюжетной линии, здесь об этом рассказывается в самом конце. И это далеко не случайно. Во-первых, в цикле сказаний, повествующих не только о главном батыре, но и героизме его потомков, было бы излишне останавливаться, как родился каждый из них. Это бы отнимало лишнее время, как у сказителя, так и слушателей. Во-вторых, такие повторения внесли бы сложность в восприятие эпического и сюжетного времени. Но вместе с тем, взаимосвязь сюжетного времени помогает легко переходить к последующему повествованию событий. Например, если в сказании о Жубаныше хорошая весть о рождении сына прозвучала в конце из уст матери, то в сказании о Суйинише она излагается кратко в самом начале, чтобы только напомнить об этом слушателям.

Далее идет повествование о героических поступках Суйиниша. И здесь уже нет горечей и печалей мечтающих о рождении сына родителей. Однако сохраняются эпические закономерности рождения сына в преклонном возрасте или он является единственным ребенком в семье. Экономя время, сказитель не идет на растянутое долгое повествование, сокращает изложение события, прямо переходя к нему. Например, «Когда Карадону перевалило за шестьдесят, на его голову обрушилось счастье, родился сын от красавицы Гулкашим. Проведя по этому случаю той, сына назвали Жубаныш» [9, 197].

В эпосе алтайского народа кем станет в будущем ребенок можно узнать через шаманов. Например, в сказании «Алтын-Мизе» хан просит женщину шамана Женгей-Утай предсказать, кем будет его сын:

Женгей-Утай, поколдовав, сказала хану:

«В утробе твоей жены

Тебя дочка ожидает,

А мать ее умрет».

Исполнение желаний состарившихся отца и матери о рождении ребенка характерно и для сюжетов башкирских сказаний. Например, в сказании «Урал батыр» Жанберди и Жанбике на старости лет заимели двух сыновей. Младшим из них был Урал. Исследователь этого сказания ученая Г.Хусаинова говорит так: «В первой части кубaira говорится о том, как старик Янбирде со старухой Янбике по воле судьбы попадают на затерянную землю, занимаются охотой на диких зверей, как у них рождаются два сына (рождение детей у пожилых супругов – традиционный мотив тюрко-монгольского эпоса)...» [10, 30].

Главный герой эпоса должен быть необычным человеком. Его рождение, появление на свет происходит не как у обычных

людей. Поэтика эпоса требует удивительных обстоятельств его зачатия и рождения. Причем этот мотив повествования отражает неповторимость личности героя, его непохожесть на других и заставляет поверить в это слушателей. Рожденный в удивительных условиях батыр растет быстро, рано проявляет свою воинскую доблесть, и это является главной темой повествования и закономерностью сюжетного построения эпических жанров. Необычное рождение батыров в удивительных обстоятельствах является общей художественной закономерностью тюрко-монгольских эпических сказаний.

Список литературы

1. Алтайские героические сказания. Сказитель Калкин. А. Пер. с алт. – Москва: Современник, 1983. – 288 с.
2. Кан–Кыс. Героические сказания. Перевод с тувин А. Преловского. – Кызыл, 1991. – 157 с.
3. Жирмунский В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. – Москва: Изд. Восточной литературы, 1960. – 334 с.
4. Якутский героический эпос «Могучий Эр Сого-тох». – Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1996. – 435 с.
5. Гэсэр. – Улаанбаатар: Гос. Изд, 1986. – 209 с.
6. Бум Эрдэнэ. – Улаанбаатар: Гос. изд, 1976. – 158 с.
7. Манас. Героические дастаны киргизского народа. – Алматы: Худ. Литература, 1962. – 446 с.
8. Казахский архаический эпос. – Алматы: Аруана, 2008. – 168 с.
9. Героический эпос. – Алматы: Арыс, 2005. – 544 с.
10. «Урал-батыр» и духовное наследие народов мира. / Материалы II Международной научно-практической конференции. Г.Р. Хусаинова «Кубаир «Урал-батыр» и великое творение башкирского народа. – Уфа: 2011. – 339 с.